

У каждого человека в жизни наступает момент, когда он должен перейти Рубикон. У меня первый случился в далёком 1972.

Покойная матушка пережила голод тридцатых годов, у неё пухли от голода ноги, вот и посоветовала идти на «зерновой факультет», а я любил химию, до одури, до самозабвения.

* * *

– Здесь этого добра, в смысле химий о, сколько, – бойкая девчушка в приёмной комиссии провела ладошкой повыше головы. – Будет и органическая, и неорганическая, и физколлоидная, и химия зерна, и жиров. Давай аттестат зрелости, ну и остальное, что там ещё имеется.

– Гррр-а-мо-ты, – заикаясь и борясь с комком в горле, молвил я.

– И их прикладывай. Может быть пригодятся.

– Так я ещё хотел на эту, специальность. На химию пластических масс. Там же чёрным по белому написано, химия. А у вас завуалировано.

Девчушка с хитрым прищуром посмотрела снизу вверх. Открыла аттестат.

– Местный. То есть я хотела сказать, городской. Не с гор спустился?

– Это к чему? – возмутился я.

– А к тому, что глянь туда, – кивнула в сторону большого ватмана, с приклеенными конвертиками. В которых торчали листки с цифрами.

– Химики набирают всего одну группу. Двадцать пять человек. Подано семьдесят пять заявлений. То есть три претендента на место. Усёк?

– Так и на хлебопродукты то же самое. Набирают шесть групп. Сто пятьдесят мест. А подано уже четыреста пятьдесят заявок. В чём разница? – я не мог понять логику девушки.

Она вышла из-за стола, поднялась на цыпочки и защебетала в ухо.

– Теорию вероятности учил?

– Не. Её в средней школе не проходят.

– Плохо. На первом курсе будешь грызть. В общем так. Вероятность того, что ты попадёшь в число счастливчиков-сто-пятидесятников много выше, чем в список двадцати пяти избранных химиков. Усёк?

* * *

Как я сутки напролёт готовился к приёмным экзаменам, про то отдельный сказ. Пятёрка по неорганической химии, окрылила. А «пяхи» по физике и математике позволили проходить, чуть задрал нос, мимо завистливых «конкурентов» (С большинством из них дружим не один десяток лет. И стали ближе, чем родственники!)

В ночь перед последним экзаменом – единственным письменным, литература, сочинение, не спал! Ещё бы. Даже если трояк схлопочу, то набрав восемнадцать баллов, плюс грамоты. Можно надеяться. А если пара – принимай советская армия новобранца. А с моим ростом и телосложением скорее всего – Морфлот. Хорошо если Черноморский. А если Северный? Брр. Не люблю холод. Мы кубанцы, как ни крути – народ южный. Теплолюбивый.

* * *

В школе из трёх тем сочинения выбирал свободную. Вроде «В жизни всегда есть место подвигу». Никогда не мог я раскрыть сущность «Катерины, как луча света в тёмном царстве». А в свободной пиши почаще слова: коммунизм, партия, народ, рабочий класс и как минимум четвёрка гарантирована. Не будет училка рисковать и ставить тройку «за коммунизм». Только наша Каа была на такое способна. Но ведь она учительствует в новой школе, в Черёмушках и уж никак не может оказаться в сорок девятой аудитории краснодарского политеха.

* * *

– Дай спысать. Отблагодарю, по нашему, по-лезгински. Барана рэзать станэм. Когда поступым. Кунаком станэшъ. – сосед по столу нахально тянул к себе исписанные мною листки.

– Бесплезно, друг. Я пишу на вольную тему. В ней даже двух одинаковых слов быть не должно.

– Это как? Я тоже такую пысать стану. Коммунызм. У нас, горах тоже эсть.

На возню обратила внимание дежурная преподавательница. Подошла.

Я поднял голову, и сердце ушло не в банальные пятки. Провалилось куда-то под пол. В складские помещения главного корпуса КПИ. На меня сурово смотрела сама Каа! (Ректорат института приглашал лучших учителей города в помощь. Они присутствовали на экзаменах, но работы абитуриентов не проверяли. Эта почётная миссия была навечно закреплена за преподавателями кафедры «Русского языка и литературы»).

Ни один мускул не дрогнул на её красивом лице.

Инстинктивно, по годами выработанной привычке я втянул голову в плечи. Каа склонилась над моей работой, потом открыла экзаменационный лист, где уже стояли отличные оценки за предыдущие экзамены, затем молча кончиком ухоженного ногтя от метила строчку в тексте и отошла.

Там не хватало запятой в сложном деепричастном обороте.

ПЯТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ.

СКВЕРИК ВОЗЛЕ ПОЛИТЕХА

Батя дал почитать дорогую, дефицитную книгу. Вайнеры «Эра милосердия». Но налёты банды Чёрной кошки не могли отвлечь от постоянно стучащей в висках мысли: а вдруг «пара»! Написал жи, ши через треклятое «И». С меня станется. В самобичеваниях я был не одинок. Соседские скамейки оказались заняты парнями и девушками. То с одной стороны, то с другой вдруг раздавалось заветное – Вывесили! И тогда волна абитуриентов, нарушая правила движения, рвалась к массивной дубовой двери, за которой дежурные вывешивали фамилии счастливицков.

С этой минуты гордо именуемых – СТУДЕНТАМИ.

* * *

– Не нас. Энергетиков. – на пустую скамейку села девушка. Закусила и без того пухлую губку и принялась тербить платочек. – Тебе хорошо. Я знаю, ты краснодарский. Не поступишь, пойдёшь спать. А мне ещё трое суток до Архангельска добираться. Из лета в зиму.

– У вас же зерно не растёт. Зачем же ты на «хлебопродукты» поступаешь?

– Отец велел. Говорит, закончишь, на юге жить будешь. В тепле и сытости.

Не расскажешь, что там в деканате сегодня утром говорили. На самом краю города уголок сняла, у старушки. Не успела вовремя доехать.

Я мгновенно вспомнил, как двенадцать часов назад секретарь приёмной комиссии безучастным, металлическим голосом объявила: «Результаты сочинений и список поступивших будет в одном приказе. У нас страна хоть и богата лесами, но неча на вас олухов царя небесного, казённую бумагу изводить. Чай не баре, разом и узнаете. Кому, значит, в нашу доблестную армию, а кто на ликвидацию кустов амброзии и прочие сельхозработы. И ещё не известно, что лучше!»

* * *

Стрелки часов «Победа», подаренных отцом, перестали двигаться. Пытаюсь читать «Эру». Бесплезно. Жеглов и Шаратов по-прежнему были не в состоянии мне помочь.

Соседка по скамейке сорвалась с места и сверкая коленками побежала к заветному вестибюлю.

Следом потопап и я.

Список читал снизу вверх. Свою фамилию не нашёл. Перечитал сверху вниз. Результат тот же. Перед глазами всплыли буруны Чёрного моря и силуэт грозного военного корабля. Хлопки далёких залпов главных калибров.

Это были не выстрелы. Кто-то нахально хлопал по плечу и лез обниматься.

– Паступыли братан! Мы с тобой тэпэрь сту-дэн-ты!

– Ты да. А я нет! – резко сбросил руку дагестанца. – отстань, меня морфлот ждёт. С нетерпением.

– Пада – ж-дёт. Паш-ли праз-на-вать. У тэба деватнадцать балав, у мэна шестнадцать. Но это нэ чего. Бэз разница. Я по спецнабору. Лишь бы не пара. А её нет. Трояк есть, за вольная тема. За дарагой Леанид Ильыч два никагда не ставят. Кунак, благодарю. Хорошая идею дал. С мэна угащения.

– Эй ты. Да, ты! В очках. Ступай за мной. Декан зовёт. – прервал монолог новоиспечённого студента старшекурсник, с красной повязкой на рукаве.

– Наверное напутали в списке, – пронеслось в голове. Очевидно же. Записали фамилию не в список обычных абитуриентов, а в команду льготников. В спецнабор. Ох, не к добру это.

На негнущихся ногах я поплёлся за дежурным.

* * *

Усталый декан ткнул рукой в стул, предлагая садиться. Минут пять попеременно смотрел то на меня, то на бумагу, лежащую перед ним. Наконец молвил.

– Старостой потянешь?

– Кккем?

– Мы тут посоветчались и решили парней в одну группу определить. У вас занятия на военной кафедре будут. Цельйй

день. А если с девушками перемешать, то для них лишний выходной получается.

Я молчал. Банально не понимал, о чём идёт речь.

И хозяин кабинета об этом догадался.

– Ладно, ступай. Родителям позвони. Порадуй.

– А у нас те-ле-фо-на дома нет.

– Ну, соседям тогда. Пусть сходят, сообщат.

Его вообще на Горогородах ни у кого нет.

– И чего сидишь?

Я встал.

Декан повернулся в сторону дежурного: Сахно, ты же на отцовской Победе сегодня приехал?

Тот кивнул.

– Сделай милость, отвези этого очумелого куда скажет. А заодно, по дороге, растолкуй про жизнь студенческую. Завтра соберём собрание группы. Профоргом предложу дагестанца Шихаева. По всему видать парень не промах. А после этого друженько на амброзию. Как говорится, учебный процесс у нас начинается с войны. С сорняками.

* * *

С Меджидом Шихаевым дружим не один десяток лет. Общаемся по Скайпу или по Вайберу.

В советское время он с нуля построил целый комбинат хлебопродуктов и руководил этим предприятием до пенсии. Сейчас готовит внуков в дальнюю дорогу. В Краснодарский технологический университет. Что ни говори, а династию продолжать надо! Гоняет будущих студентов по русскому, английскому, ну и, конечно, по химии. Куда же без неё?